

В.И. Тармаева

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

О дивинации при интерпретации повествовательного текста

Аннотация: В данной статье рассматривается дивинация как составляющая процесса когнитивного понимания повествовательного текста. Смысловое движение понимания происходит как реализация предвосхищаемого сознанием предвзвешивания-предошущения целого и его последующей экспликации. Дивинация событий задает критерии и закономерности смыслового реконструирования повествовательного текста, с одной стороны, а, с другой, когнитивного понимания текста.

This article focuses on divination as a component of the cognitive process of narrative text understanding. Meaningful understanding of the movement occurs as the realization of consciousness precession of the whole and its subsequent explication. Divination of events sets the criteria and patterns of meaning reconstructing of the narrative text, on the one hand, and, on the other hand, the cognitive understanding of the text.

Ключевые слова: дивинация, интерпретация, повествовательный текст, сценарий, асимметричный знак, сложное синтаксическое целое.

Divination, interpretation, a narrative text, scenario, asymmetric sign, complex syntactic unit.

УДК: 81:1.

Контактная информация: Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8. БГСХА, кафедра европейских языков. Тел. (3012) 442611. E-mail: bgsha@bgsha.ru.

Статья посвящена исследованию дивинации, как составляющей когнитивной гармонии, проявляющейся при интерпретации текста. Проблема когнитивной гармонии решается на фрагменте событийных цепочек, представленных посредством глагольных циклов, имеющих трехчленную парадигматическую релевантность. Работа выполнена на материале интерпретирующих высказываний, полученных в результате психолингвистического эксперимента посредством тестирования студентов филологического факультета.

Проблематика данного исследования определяется противоречием, заключающимся в несоответствии, с одной стороны, неоднозначности смыслового потенциала предложения, как проявления синтаксической асимметрии формы и значения языкового знака, и, с другой – единства вариантов интерпретации текста, следствием которого становится когнитивное и эстетическое удовлетворение от гармонического соответствия формы и значения текста.

Контекстные условия текста, как правило, актуализируют одну смысловую версию. В результате, в сознании интерпретатора восприятие формы и содержания происходит автоматически и не предполагает решения «интерпретационных дилемм». Это обуславливает успешное продвижение коммуникативного процесса и психологическое состояние коммуникативного удовлетворения, как проявление когнитивной гармонии (далее – КГ).

Интерпретация повествовательного текста есть, как отмечает Р. Барт, «процесс последовательного обнаружения», когда «все возбуждение сводится к нетерпеливому ожиданию узнать, чем кончится рассказываемая история». В результате, согласно Р. Барту, возникает «романическое удовольствие», которое, «имеет интеллектуальный характер – проявляясь в стремлении открыть истину, познать-реконструировать причины и цели событий, ненасытное желание обнаружить, предожидая, что будет дальше» [Barthes, 1973, p. 44].

Повествовательный текст подлежит интерпретации, предполагающей герменевтическую процедуру реконструкции смысла и значения текста [Демьянков, 2005]. Повествовательный текст «задает достаточно четко определенные векторные ориентации интерпретатора в процессе чтения-восприятия. Соответственно, повествовательный текст ориентирует на установление в интерпретационном усилии интерпретатора однозначных соответствий между семиотическими рядами текстовой среды, с одной стороны, и принятыми в той или иной культурной традиции системами значения – с другой, что обеспечивает своего рода дешифровку текста и в перспективе ведет к его исчерпывающему пониманию». Более того, «стабильность семантики символических рядов и аксиологических шкал соответствующей культуры выступает основой возможности конституирования понятий «корректного прочтения», «правильной интерпретации», «полного понимания» текста как объективного итога прочтения, понятого в данном контексте как финально завершенное и объективно результирующееся в экспликации текстового смысла» [Barthes, 1973, p. 78].

Субъективно переживаемым итогом прочтения повествовательного текста является получаемое читателем коммуникативное «удовольствие от текста» как разрешение его читательских ожиданий, удовлетворение как выражение исчерпывающей завершенности процесса когнитивного понимания. Процесс когнитивного понимания и становления когнитивной гармонии проявляется в качестве «комфортабельного чтения, закрывающего саму возможность плюрального истолкования текстовой семантики. Присвоить тексту автора – это значит наделить его окончательным значением... Если автор найден, значит, текст “объяснен”» [Ibid.,]. Читатель выступает в роли не «потребителя», а «производителя» (реконструктора) повествовательного текста.

Читатель становится автором произведения, «создавая» его, он даже не задумывается над правилами выражения смысла. Он «создает свое» произведение (точнее говоря, реконструирует), события, «полагаясь» на «свое писательское чутье».

Любая знаковая сущность повествовательного текста может быть интерпретирована, оценена, «познана» исключительно по степени и направленности воздействия посредством метаязыковых репрезентаций на интерпретатора.

Интерпретатор «автономизирует какую-то совокупность свойств, актов, элементов» повествовательного текста от их окружения, «выделяет их в некое единство исключительно по своей воле, не важно – сознательно или бессознательно. В зависимости от того, какое количество элементов (большее или меньшее)» включается интерпретатором «в поле его сиюминутного рассмотрения, большей или меньшей будет и описываемая им целостность, единство элементов и взаимодействий. Никаких внутренних границ целостности не существует», их «полагает» интерпретатор, он же и «порождает ту или иную целостность, чтобы впоследствии с ней оперировать ради понимания: разлагать на элементы – меньшие целостности и включать в метасистемы – большие целостности» [Шпет, 1996, с. 17].

Таким образом, «целое понимается на основании отдельного, а отдельное – на основании целого» [Шпет, 1996, с. 17]. Это герменевтическое правило берет начало в античной риторике. Герменевтика Нового времени перенесла его из области ораторского искусства на искусство понимания. В обоих случаях перед нами предстает круг. Здесь части определяются целым, с одной стороны, и, в свою

очередь, с другой, определяют целое. «Благодаря этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое» [Богин, 2001, с. 76].

При смысловом понимании текста интерпретатор не «переносится в душу автора» или в «устройство» повествовательного текста, более того, он не переносится вообще. А если предположить, что все-таки каким-нибудь образом этот перенос совершается, то «мы переносимся в то, что» подразумевается «как смысл. А это означает не что иное, как то, что мы стремимся допустить, признать правоту (по самой сути дела) того, что говорит другой человек» Согласно справедливому замечанию Г.Г. Гадамера, при понимании текста интерпретатор «обретается в сфере смысла, который доступен пониманию внутри себя и как таковой находится вне обращения к субъективности другого человека. Чудо понимания заключается не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу» [Гадамер, 1988, с. 38].

При чтении (понимании / интерпретации) повествовательного текста происходит реконструирование метаязыковой репрезентации исходного текста. «Любой пересмотр пробрасывания коренится в возможности пробрасывать вперед себя новую проекцию смысла. Рядом друг с другом могут существовать соперничающие проекции, пока не установится сколько-нибудь однозначное единство смысла. Толкование начинается с предварительных понятий, которые со временем заменяются более адекватными понятиями, – вот это непрерывное проецирование, пробрасывание смысла, составляет смысловое движение понимания» [Деррида, 1995, с. 38].

Смысловое движение понимания происходит как реализация предвосхищаемого сознанием предварения-предошущения целого и его последующей экспликации. Движение понимания сопровождает акт дивинации (дивинация – от лат. *divinatio* «предсказание, предчувствие, предпонимание будущего при помощи различных техник»). Известно сочинение Цицерона «О дивинации» [Справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима, 2001], когда толкователь «целиком переносится» в автора текста, тем самым разрешая все непонятное и озадачивающее, что содержит в себе текст. Когнитивное понимание как становление когнитивной гармонии текста всегда предопределено забегающим вперед движением дивинации (предпонимания, предсказания).

Дивинация (как «опережающее отражение» [Анохин, 1978]) событий внешнего мира является «универсальным механизмом, определяющим как врожденные, так и условнорефлекторные формы самоподдержания человека. Кроме того, именно на основе данной формы отражения был сформирован и специализировался сам мозг как орган психической деятельности» [Там же, с. 78], иными словами, как орган, служащий в процессе адаптации человека для преобразования действительности в его мыслительной деятельности.

В связи с этим уместно привести высказывание Р. Келлера: «Адаптация есть сохранение успешного опытного знания о действительности» [Keller, 1998, p. 63]. Цикличность принадлежит к опытным знаниям биологической адаптации.

«Ментальная хронология, “порядок мыслей” и событийная хронология, “порядок мира” проявляются посредством глагольных циклов, имеющих трехчленную парадигматическую релевантность» [Борботько, 2007, с. 128]:

войти – находиться внутри – выйти,
начинать – продолжать – заканчивать,
пойти – дойти, достигнуть – возвратиться,
рождаться – жить – умирать,
открыть – производить – закрыть,
встретиться – пообщаться – проститься и т.д.

Как мы видим, парадигматический цикл глагольных операторов совпадает со структурой сложного синтаксического целого (далее – ССЦ).

Действия одних людей могут быть сопряжены с действиями других в параллельных циклах, например:

встретить → встретиться // познакомиться;
производить → родиться // существовать.
показывать → видеть // появляться;
двигать → идти // перемещаться;
говорить → отвечать // спрашивать;
вводить → входить // впускать.

Действия человека / людей встречного цикла могут иметь благоприятное влияние и способствовать достижению результата человеком, чьи действия рассцениваются как исходный цикл, например: идти – появиться – подвезти – достичь – поблагодарить.

«Естественная последовательность взаимодействий субъекта-деятеля с разнообразными объектами выражается посредством цепочки предикатов. В обобщенном представлении базовых предикатов такая цепочка выглядит следующим образом: воспринимать – присваивать – иметь – готовиться – производить» [Борботько, 2007, с. 128].

Приведенная выше цепочка предикатов сопряжена с логическим порядком развертывания того или иного действия, а предикаты эксплицируют его (действия) фазы. Любое действие имеет начало, продолжение и результат (цель) как окончание действия. «В динамическом представлении действие есть фазовый переход системы из одного состояния в другое. В языке действие выражается глаголом, тогда как имена существительные знаменуют собой устойчивые фазовые моменты – состояния, стадии, точки, вехи процесса» [Борботько, 2007, с. 128]. Фазы действия субъекта с объектами делятся на три сегмента соответственно трем фазам ССЦ:

зачин ССЦ – фаза восприятия и присвоения (воспринимать и присваивать);
средняя часть ССЦ – фаза потенции (иметь);
концовка ССЦ – фаза подготовки и исполнения (готовиться и производить).

Цепочка базовых предикатов может иметь множество вариантов, например: видеть – брать (фаза восприятия и присвоения) – содержать – извлекать (фаза потенции) – применять – делать (фаза подготовки и исполнения); слышать – записывать (фаза восприятия и присвоения) – хранить (фаза потенции) – вспомнить – сказать (фаза подготовки и исполнения); потрогать – оттолкнуть (фаза восприятия и присвоения) – помнить (фаза потенции) – остерегаться – обойти (фаза подготовки и исполнения).

Цепочка может быть расширена изнутри, за счет включения дополнительных (промежуточных) фаз деятельности, например: встретить – выбрать – забрать (фаза восприятия и присвоения) – иметь (фаза потенции) – применить – получить (фаза подготовки и исполнения).

Цепочка также может быть сокращена за счет опущения некоторых предикатов, например: увидеть – взять (воспринимать и присваивать) – использовать (фаза подготовки и исполнения); или же продолжена, например: быть – заметить – взять (фаза восприятия и присвоения) – применить (фаза потенции) – произвести – быть (фаза подготовки и исполнения). В последнем примере мы получили замкнутую цепочку, или цикл.

Развертывание событийного цикла ССЦ происходит в соответствии с дивинацией. Например, встречный цикл может оказаться противоборствующим ис-

ходному. Тогда субъект-деятель исходного цикла будет направлять усилия на ликвидацию возникшей помехи (что предсказуемо): к примеру, если во встречном цикле возникает предикат *нападать*, то в исходном цикле представляется предсказуемым возникновение предиката «противостояния» *защитить* для исходного цикла. В ответ на предикат *спросить* установка дивинации «потребуется» предикат *ответить* или *промолчать*.

Предикаты событий упорядочены в соответствии с дивинацией: всегда существуют такие два предиката, что при появлении обоих в тексте их порядок предопределен. Иными словами, между предикатами существуют системные, до-текстовые отношения логического порядка [Борботько, 2007].

Соответственно, в повествовательном тексте предсказуемы переживаемые события. Круг возможных дальнейших переживаний событий образует «горизонт дивинации». Горизонт дивинации предстает как «система типичных ожиданий и вероятностей», (термин Э. Гуссерля – [Гуссерль, 2005, с. 87]). Поскольку дивинации могут носить как содержательный, так и смысловой характер, они обладают способностью иметь структуру. Ожидаемые способы упорядочения репрезентаций событий как раз и определяют структуру дивинации.

Дивинация имеет логический характер, так как происходит в результате взаимодействия интерпретатора с репрезентациями опыта взаимодействия, имеющихся в памяти, с одной стороны, и адаптации к знаниям, репрезентируемым в метатексте, с другой.

Статус дивинации событий в сценарии может быть:

– «нормообразующий» [Богин, 2001]. Последующее событие предугадывается в соответствии с общепринятыми представлениями о типичном поведении и развитии событий. Например, узнав, что Джим хочет стать свободным, Гекльберри Финн возмущен, чего и следовало ожидать (M. Twain. The Adventures of Huckleberry Finn).

– «мотивирующий» [Там же]. Предпонимание последующих событий сопряжено с ожиданиями пояснения по поводу происходящих событий: почему происходят те или иные события. Как и ожидалось, например, Гекльберри Финн возмущен свободолюбием раба Джима, но то, что возмущает Гека (и дается в качестве последующих пояснений) – это не столько то, что Джим намерен выкупить или в крайнем случае украсть своих детей у владельца, сколько то, что он посмел вообразить себя неким «Я», имеющим независимую и автономную волю (M. Twain. The Adventures of Huckleberry Finn).

– «нормонарушающий» [Там же]. Например, ожидалось, что Гекльберри будет жалеть раба, а он не жалеет (M. Twain. The Adventures of Huckleberry Finn).

Последний тип лежит в основе смены горизонта дивинации событий, происходящей одновременно и в области языковых средств, и в области смыслов – в качестве «риторической черты» (термин Е.А. Ниды – [Nida, 1984]). «Смена горизонта» дивинации событий всегда обращена на конкретное ожидаемое событие повествовательного текста, она не разрушает сценария событий в целом. Смена горизонта дивинации событий открывает новые пути реконструкции на основе «пересмотренной дивинации». Смена горизонта дивинации «позволяет появиться новым схемообразующим нитям, знаменующим уже изменение не только разворачивания, но и переживания смысла. В этих случаях происходит смена горизонта переживаний» [Гадамер, 1988, с. 537]. При этом, как справедливо замечает Г.Г. Гадамер, интерпретатор должен «освободиться от связанных с его собственными предрассудками смыслоожиданий, как только они будут опровергнуты смыслом самого текста» [Гадамер, 1988, с. 537].

Смена горизонта дивинации событий влечет за собой смену одного сценария на другой. Появление иного сценария событий при смене им предыдущего сцена-

рия служит «обогащению» новыми метаязыковыми репрезентациями опыта взаимодействий интерпретатора.

Смена горизонта (изменения) дивинации обладает такой же значимостью, как и целостность сценария событий. При изменении дивинации возникает целая система преобразований, ведущая, в конечном счете, к тому, что было до изменения – к новой саморегулирующейся целостности, новому когнитивному сценарию событий. Процесс самоорганизации системы данной целостности происходит циклично: равновесие – неравновесие – равновесие. При этом во взаимодействии находятся предикаты двух типов: с одной стороны, «предикаты фазового состояния, представляющие устойчивые гладкие циклы, то есть налаженную жизнь с повторяющимися событиями. С другой стороны – это предикаты фазовых переходов, создающие противочиклы, приводящие в итоге сначала к нарушению исходного фазового состояния, а затем и к восстановлению равновесного состояния, хотя и на новой основе» [Борботько, 2007, с. 128]. «В самой сердцевине этого режима присутствует определенное представление ... как упорядоченном складе действий, стремящемся к своему разрешению через столкновение персонажей, преследующих противоречащие друг другу цели и проявляющих в своей речи желания и чувства согласно целой системе условностей» [Рансьер, 2004, с. 23].

Удовлетворение всех дивинаций событий в повествовательном дискурсе «привело бы к скуке, неудовлетворение» всех дивинаций – «к скуке и претенциозности, тогда как модификация и коррекция» многих дивинаций «способствует интересу людей к чтению, к тексту» [Богин, 2001, с. 123]. Вообще, изменение дивинаций – неотъемлемая часть любого повествования. При смене горизонта дивинации события происходят (а) «корректировка» [Там же] дивинации, когда новая дивинация совмещается с исходной в рамках общего сценария; (б) видоизменение совмещения дивинаций, когда новая дивинация приводит не только к изменению исходной дивинации, но и к разворачиванию иного сценария; (в) объединение дивинаций. При разворачивании дивинации событий и смене горизонта дивинации сохраняется определенная тема ожидаемого. Смысловое движение понимания повествовательного текста разворачивается на балансе дивинаций и смены горизонта дивинаций, которая вводит новые дивинации, соотносимые с новыми причинно-следственными отношениями, ведущими к смене сценариев.

«Действование» [Богин, 2001] по сценариям событий в повествовательном тексте – это всегда действование в соответствии с дивинациями событий, без этого восприятие текста потеряло бы связность. Сценарий «действования» обеспечивает непрерывность интерпретации во времени, проявляясь в качестве посредника, через которого прошлое оказывает влияние на будущее; уже усвоенная информация определяет то, что будет воспринято впоследствии. Интерпретатор не в состоянии воспринимать события, если нет дивинации событий. Интерпретация направляется дивинациями, но не управляется ими. Дивинация событий регулирует действование сценария когнитивной гармонии.

В повествовательном тексте дивинация событий как бы «запланирована» с самого начала, а предикаты – глагольные циклы – служат для построения сценария событий.

Объектом дивинации событий в повествовательном тексте является не только набор содержаний-предикаций в рамках пропозиций, но и текстообразующие средства. Такие текстообразующие средства имеют характер методологического указания по дальнейшему «мыследействованию» [Там же].

При действовании дивинации событий имеет место неосознанное ожидание, но его роль незначительна, чрезвычайно значимым является ожидание, полученное посредством рациональной оценки связей и отношений событий в повествовательном тексте. При интерпретации переживания связности содержания, в том числе, смыслов и событий повествовательного текста «разворачиваются» автоматически.

При восприятии асимметричного знака, инициирующего работу памяти и тем самым способствующего «реконструкции» метаязыковой репрезентации события прошлого и последовательности «эмпирических сущностей» [Гуссерль, 1994] – праимпрессии и ретенции, интерпретатор, вступая во взаимодействие с ними, в свою очередь, посредством дивинации «реконструирует» протенцию из последовательности событий, постоянно оценивая событие в протенции как совпадающее или несовпадающее с дивинацией, порожденной предшествующими событиями в повествовательном тексте.

Дивинация событий организует интенциональный акт. В зависимости от направления интенции получаются разные «возможные миры». Выбор же этой направленности на тот или иной «возможный мир» зависит от характера дивинации, иначе говоря, зависит от характера переживания предстоящего развертывания горизонта дивинации в рамках возможного мира.

Система дивинаций определяет не только интенциональность, не только выбор возможного мира, она еще определяет и интерес интерпретатора, направленность и «меру напряженности» [Богин, 2001] этого интереса в процессе интерпретации.

Дивинации событий переживаемы, причем мы имеем здесь дело с «герменевтическим переживанием». «Герменевтическое переживание» не выступает в качестве гипотезы [Богин, 2001]. Более того, оно может быть нечетким. Так, например, «герменевтическое переживание» может проявиться следующим образом: образ персонажа экранизации романов братьев Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер», «Малыш» оказался несоответствующим ожиданиям, о чем было зафиксировано сразу: «А Максим Каммерер был не такой». Дивинации событий фиксируются подобным же образом: «Это событие вполне возможно, даже допустимо, а это не может произойти так никогда, потому что так не бывает!».

Читатель стремится к «контролю над тем, что случится дальше» [Sinclair, 1980]. Дивинация предполагает операции: (1) видеть связь событий, развертывающихся в тексте; (2) видеть нарушения связи событий в тексте; (3) компенсировать нарушения путем «смены горизонта» дивинации событий.

Эти столь необходимые операции опираются на дивинацию содержания целого повествовательного текста. Действование по когнитивному сценарию в значительной мере «строится» путем «перебора дивинаций» при обращении к прошлому опыту интерпретатора. Дивинация создает известную установку на активный процесс дальнейшей интерпретации, при которой анализ совпадений или несовпадений с ожидаемой дивинацией также входит в процесс интерпретации. Дивинация имеет характер предположения интерпретатора об условиях дальнейшего действовании в содержании целого повествовательного текста. «Вхождение» [Богин, 2001] в целостность повествовательного текста осуществляется посредством укрупнения сценариев: от сценария события до сценария когнитивной гармонии целого повествовательного текста.

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

Становление КГ повествовательного текста всегда предопределено забегающим вперед движением дивинации, имеющей логический характер. КГ в повествовательном тексте развертывается на балансе дивинаций и «смены горизонта» дивинаций, вводящей новые дивинации, соотносимые с новыми причинно-следственными отношениями.

Действование по сценарию КГ в повествовательном тексте – это всегда действование в соответствии с дивинациями событий. Сценарий КГ и дивинация событий задают критерии и закономерности смыслового реконструирования повествовательного текста. Сценарий КГ на синтаксическом уровне представлен трехфазовым циклом узловых глагольных операторов ССЦ. При развертывании

КГ объектом дивинации событий в повествовательном тексте является не только набор содержаний – предикаций в рамках пропозиций, но и текстообразующих средств.

Литература

- Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы // Анохин П.К. Избранные труды. М., 1978.
- Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001.
- Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2007.
- Гадамер Г.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Часть первая: Прологомены к чистой логике. СПб., 2005.
- Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
- Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 1995.
- Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / Сост., пер. с франц. и послесл. В.Е. Лапицкого. СПб.; М., 2004.
- Справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима // Античный мир в терминах и названиях / Под ред. И.А. Лисовый, К.А. Ревяко. Минск, 2001.
- Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. Томск, 1996.
- Barthes R. Plaisir du texte. Paris, 1973.
- Keller R. A theory of linguistic signs / Transl. by K. Duenwald. Oxford, 1998. P. 5–72.
- Nida E.A. Rhetoric and style: A taxonomy of structures and function // Language Sciences. 1984. V. 6. № 2. P. 14–78.
- Sinclair J. Some implications of discourse analysis for comprehension // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1980. V. 4. № 4. P. 21–62.